

Содержание

ПРОЛОГ. Сфинкс	9
ЧАСТЬ 1. Круг	36
ЧАСТЬ 2. Артемида, охотница	99
ЧАСТЬ 3. Персефона	156
ЧАСТЬ 4. Геката	217
ЭПИЛОГ	305
Послесловие автора	313

*Посвящается Поле Уйт,
которая отвезла меня на острова.*

Выражение благодарности

Спасибо Сьюзан Эллисон, Эйден Энтовилл, Кэрол Бейтс, Дину Калтсасу, насосу Моутсоурису, Элис Мартелл, Марджори Шепатин и Евангелине Сирианду за помощь с оригинальной версией романа, а также Ричу Чизмару, Нилу Макфитерсу и в особенности Кэролин Кессаратос за эту, обновленную. *Να πας στο καλό!* Всего вам хорошего!

ПРОЛОГ

Сфинкс

Нет и не будет меж львов и людей никакого союза;
Волки и агнцы не могут дружитья согласием сердца.

*Гомер «Илиада»,
пер. — Н. И. Гнедича*

Лейла

Греция, 1984
Санторини

Всегда есть плоть...

Она отступила назад по холодному бетонному полу, стараясь рассмотреть себя до уровня бедер в маленьком зеркале, висевшем в ванной. Для этого ей пришлось отойти на середину спальни. Рядом на кровати лежала аккуратно сложенная одежда, самые приличные из ее вещей уже находились в шкафу. Чемодан другой девушки, напротив, напоминал рваную рану, его пестрое содержимое валялась на покрывале и подушках, свисало с кровати.

Лейла не помнила, как звали ту девушку. Ула или Мия? Что-то шведское. Девушка путешествовала довольно долгое время. Ее белая одежда приобрела несвежий желтоватый оттенок. Ей следовало бы найти стиральную машину. Ведь она теперь не в грязной загаженной Индии.

Она с отвращением отвернулась и снова взглянула в зеркало.

Даже теперь, когда она разделась, от нее пахло ослом.

Из порта в город ведет лестница из пятисот шестидесяти шести ступеней. На полуденной жаре животные

потели и начинали упрячиться. Погонщик разрешал им немного замедлять шаг, а потом бил хлыстом по крупу последнего, отчего он бросался бежать и пугал остальных.

Ей нравилось ездить верхом, ощущать, как под ней быстро сокращаются мускулы. Она гладила осла по шее. Шея была твердой, горячей и мокрой. Чувствовала боль животного, его усилия.

«Неважно, насколько сильно тело, — думала она, — всегда есть плоть. Мягкая и податливая».

Вот здесь!

Она сжала пальцами тонкую бледную кожу между талией и бедром.

И здесь.

Под рукой, где начиналась грудь.

Она оглянулась на кровать. Там лежал раскрытый набор для шитья.

Лейла сжала плоть на внутренней стороне бедра.

«И здесь», — подумала она. Кожу пощипывало.

Ее соседка находилась на террасе тремя этажами выше, любовалась горами в лучах заката. Лейла знала, что сейчас видит та девушка: бухту в семь миль длиной и в пять шириной, жерло спящего вулкана, освещенное сияющими лучами. Голубое небо и бесконечное голубое море, простирающееся до самого горизонта. С высоты — захватывающее зрелище, на какое-то время оно займет девушку. А Лейла быстро со всем управится. Как и всегда.

Она нашла в швейном наборе иголку и катушку с нитками. Зажала иголку губами. В боковом кармане своего дорожного чемодана отыскала коробок со спичками с названием парижского ресторана. Потом снова вернулась к зеркалу.

Лейла сама этому научилась, поначалу ей приходилось непросто, но годы спустя процесс стал приносить

сначала удовлетворение, а потом и настоящее удовольствие. Она чиркнула спичкой и поднесла к ней иголку. Кончик почернел от нагара. Она вдохнула запах серы. Протерла иголку ватой.

Сжав кожу на внутренней стороне бедра, осторожно оттянула ее, чтобы она не соприкасалась с мускулами под ней, затем прижала к коже иголку и надавила, вогнав ее до середины. С закрытыми глазами она чувствовала, как иголка медленно проходит сквозь слои кожи, как клетки принимают этот длинный предмет.

Ее глаза дергались под закрытыми веками. Внутри в бедре она ощущала пульсацию, словно при ушибе. Кожа горела.

Она медленно вытащила иголку, сосредоточилась на ощущении завершенности, ее плоть миллиметр за миллиметром стягивалась, и она снова восстановилась.

«Восстановилась, но не до конца», — мелькнула у нее мысль. Клетки возражали против такого вторжения. Ее губы, грудь, живот блестели в зеркале.

Несокрушимая... но не до конца. Просто иллюзия.

Боль отступала. Она глубоко вздохнула.

Заглянула в свои бледные голубые глаза — такие сияющие и прекрасные.

Всегда есть плоть...

Которую можно покорить, победить.

Джордан Тайер Чейз

Микены

Он прошел уже мило по склону горы и видел высоко на вершине вдали развалины укрепленного города — его светло-янтарные стены ярким пятном выделялись на фоне пышной зелени, покрывавшей горы. Позади

остался небольшой поселок с ресторанами и барами, носившими такие названия, как «Агамемнон», «Менелай» или «Клитемнестра», туристическими лавками и отелями, мальчишками-подростками в дизайнерских джинсовых куртках, которые рассекали на своих мопедах, ревавших, как мотоциклы. Чейз даже радовался, что все это осталось где-то там.

По дороге он прошел мимо двух старинных склепов, в которых уже начались раскопки. В долине росли кипарисы, алоэ и хрупкий красный мак. Солнце припекало не слишком сильно. Тишину нарушали только порывы ветра. Он видел, как колышутся юбки туристов, а, подойдя к развалинам, придержал козырек бейсболки, защищавший от солнца.

Справа от него по высокой траве брело стадо коз и овец. Чейз остановился и какое-то время наблюдал, пока пастух не снял кепку и не уставился на него. Он посмотрел в глаза пастуху, от которого его отделяло поле.

И сразу все понял.

Пастух был очень открытым человеком.

Ему это не составляло никакой сложности.

Вспышка гнева, которую тот старательно подавлял. Ярость и праведный гнев.

Чейз понял, в чем заключается причина. Образы были такими яркими. Три дня назад несколько пьяных подростков-туристов стояли на том же месте и швыряли всякий мусор в его стадо. Банки, бутылки, недоеденные сэндвичи с сыром фета. Чейз четко видел, как пастух сначала оцепенел от неожиданности, а потом устремился к ним, размахивая кепкой и ругаясь. Чейз увидел, как мальчишки рассмеялись, стали показывать на пастуха пальцами и убежали.

Чейз почувствовал ярость этого человека, его боль и гнев.

Один козел до сих пор хромал. Мальчишка ударил его по ноге пивной бутылкой. Чейз сразу заметил этого козла посреди стада. Вот он. Совсем молодой. Любимчик пастуха, он как раз проходил мимо.

Теперь пастух забеспокоился.

Чейз пошел прочь.

Дорога была крутой. У него сбилось дыхание. В свои сорок пять он слишком много курил и пил односолодовый виски. Впрочем, ему нравились физические нагрузки. Человеку с его габаритами они необходимы, иначе он быстро размякнет. В последнее время Чейзу редко выпадала возможность потренироваться. Его живот по-прежнему оставался плоским, а плечи — мощными, однако ноги ослабли. «Когда вернусь, нужно будет заняться этим», — подумал он.

«Если вернусь».

Эта мысль ужалила его, как змея, уже второй раз за день.

«Я могу здесь умереть».

«К черту! — подумал он. — Надо идти дальше».

Слева от него тянулась узкая грунтовая дорога, на деревянной табличке около нее виднелась надпись: «Сокровищница Атрея».

В голове гудел невидимый рой сердитых насекомых. Руки дрожали.

«Да, — подумал он. — Это здесь».

Чейз вытер пот со лба. День выдался нежарким, но он оделся слишком тепло. Его серый пиджак уже выглядел потрепанным, а дорогие кожаные ботинки покрывал слой пыли.

«Элейн тебя предупреждала, — подумал он, — перед тем, как ты уехал в аэропорт. Но ты так спешил. Ты не готов. Разумеется, не готов».

Так всегда и происходило. Всегда в той или иной степени он оказывался неготовым. Просто читал мысли других людей, как при встрече с пастухом.

Или отвечал на призыв.

Он сидел за столом в переговорной в Нью-Йорке напротив своего совета директоров, когда неожиданно самым необъяснимым образом с ним заговорили Микены.

Это было даже не обращение, а крик. Страшная головная боль тут же ослепила его.

— Я должен увидеться с Тасосом, — сказал он Элейн. — Проверить, что там с экспортной сделкой.

Она к тому времени уже хорошо изучила Чейза, знала о его необычном даре и не стала задавать лишних вопросов, хотя, как и он, прекрасно понимала, что сделку можно в считанные минуты обсудить по телефону. Это был лишь предлог, чтобы она сильно не переживала. Его жена все понимала.

Пока что он даже не позвонил Тасосу. Не мог, даже если бы захотел.

Чейз едва помнил, как вышел из самолета, доехал на такси до автобусной станции, купил билет и отправился сюда.

Теперь Микены его заполучили. Он сдался на их милость.

С ним и раньше случалось нечто подобное, но теперь все обстояло иначе.

Иногда он посещал какое-то место, и оно вдруг обращалось к нему. Непременно какое-нибудь старинное место. Он ощущал прикосновение чего-то живого и древнего. И это всегда вызывало в нем сильный эмо-

циональный отклик. Но каждое прикосновение таило в себе опасность. Каждое немного меняло его. И Чейз чувствовал, что пока это только к лучшему.

Однако нынешний случай был иным.

Призыв напоминал скорее приказ к действию. «Тащи свою задницу в Грецию, Чейз!» Он чувствовал, как сильная твердая рука дергает за ниточки, к которым его привязали, словно марионетку.

Чейз прекрасно знал, что сопротивляться не стоит.

Он подчинился.

И теперь, щурясь на солнце, оказался, как всегда, неподготовленным, и жалел, что не взял даже темных очков.

Дома от него в той или иной мере зависели тысячи людей из компаний вроде «Лазерлэб», «Эмпкомп» или «ДЖ. Т. Ч. Импорт». Они восприняли бы его поступок как полное безрассудство, жуткую безответственность.

Но неважно.

И он уже не был тем мальчиком, который вел свои раскопки под палящим мексиканским солнцем в развалинах Теночтитлана.

Но и это уже было неважно.

Ему казалось, что он никогда в своей жизни не совершал ничего настолько важного. И не страшно, даже если он для этого уже немного староват.

Чейз научился доверять своим чувствам. Ему ничего больше не оставалось, кроме как доверять им.

Чейз взбирался вверх по дороге, проходящей сквозь заросли деревьев. Наконец он оказался перед воротами из сетки-рабицы. В домике, где находилась билетная касса, сидел маленький смуглый мужчина в темных очках. Чейз протянул ему семьдесят драхм и получил билет. Затем продолжил взбираться вверх.

Дорога уходила влево, и когда он свернул, то оказался около дромоса — коридора примерно в двенадцать футов шириной и сотню длиной, прорубленного в горе со стенами из камней, скрепленных известкой. Гигантских камней. Просто циклопических размеров. Это был самый точный термин. Казалось, что стены возводили огромные руки. Он двинулся дальше.

Теперь он спускался с пологого склона, по обе стороны от него торчали пучки пожухлой или зеленой травы, а высокий узкий вход напоминал огромный, в сорок футов высотой, кинжал, воткнутый в сердце горы — жестокий, великолепный и такой большой, что невольно начинало теряться ощущение пространства. Чейз понимал, почему древние греки изображали своих богов в человеческом облике. Разве можно определить, кто построил это сооружение: люди или божества?

Шлиман считал, что здесь находилась могила Агамемнона.

Агамемнон.

Царь, который повел греков в Трои. Наследник проклятой династии Атрея, берущей свое начало во тьме веков, с того момента, когда один брат скормил другому мясо его собственных детей. Царь суровых людей бронзового века, которые жили за шестнадцать столетий до Христа, и чьими покровителями были боги и богини земли и урожая, а не боги океана и неба с Олимпа.

Агамемнон. Убийца дочери. Убитый своей женой и царицей.

Мужской генерационный принцип. Принесенный в жертву женскому, репродуктивному.

Это происходило снова и снова по всему миру всякий раз, когда на землю обрушивались голод и бед-

ствия. Чейз подумал, что, возможно, такой человек действительно существовал, и в этой истории есть доля истины. Его принесли в жертву, как и многих правителей до него, когда они становились слишком старыми, начинали терять силы и выносили спорные решения. Их приносили в жертву богине земли, чтобы она возродилась и все началось сызнова.

Такие традиции были у жителей Микен — людей, построивших это сооружение.

Порыв ветра взъерошил его тонкие каштановые волосы, он пригладил их ладонью и смахнул пот, стекавший струйкой по его небритому подбородку.

Гробница по-прежнему излучала энергию, которая притягивала его, словно магнит. Он чувствовал это даже у входа.

Чейз заглянул внутрь. Никого. Он опередил всех туристов. Они все еще находились в крепости на горе.

Замечательно.

Его охватило волнение, он почувствовал себя открытым, готовым покорно принимать все, что исходило от этого места. Легкая волна адреналина захлестнула Чейза. Все, как и должно быть.

«Вперед», — подумал он.

Чейз вошел внутрь.

От первого его шага толос запел ему.

По-настоящему запел.

Чейз слышал гудение пчел, но откуда оно доносилось, откуда? Он не увидел ни одной. Возможно, звук издавали земляные осы из ниш между камнями? А потом — щебетание птиц, десятков воробьев, и оно становилось все громче и громче, пока Чейз шел по гробнице. Стараясь не подпустить его к своим гнездам, птицы носились по круглому, похожему на улей помещению,

сконструированному таким образом, что каждый шаг сопровождался отрывистым эхом, от которого, казалось, дрожали стены. Он пошел к центру гробницы.

Какое-то время Чейз стоял и смотрел на стены, почерневшие от костров пастухов, на огромные камни в основании стен, которые по мере возвышения стены становились все меньше и меньше, пока не сравнились размером с обычными кирпичами и располагались на самом верху концентрическими кругами. Вскоре птицы успокоились. Воздух был прохладным и неподвижным. Единственный яркий луч солнечного света проникал через вход, омывая Чейза своим золотом.

Он очистил свои помыслы и открылся.

«Этого недостаточно», — подумал он.

Чейз ощутил прошлое, но не силу. Сила находилась где-то в другом месте. И все же рядом. Совсем близко. Там.

Справа находилась дверь, примерно в шесть с половиной футов высотой — уменьшенная копия того громадного входа, через который он сюда вошел. Чейз не сомневался, что он на верном пути.

Вот то самое место.

Воробьи снова возмутились, когда он пересек зал и остановился около двери — ее притолока находилась всего в нескольких дюймах от макушки его головы. Чейз заглянул внутрь.

Возможно, утром в эту комнату и проникало немного солнечного света, но не сейчас.

Он всматривался в глухую, непроницаемую тьму, но ничего не увидел.

Глаза еще не привыкли. Мрак обрушился на него как физический удар.

Он поднял руку и вытянул перед собой. Она исчезла по локоть.

Чейз попытался разглядеть, что там, внутри, затем закрыл глаза и через мгновение открыл их. Ничего. Пальцы, запястье, предплечье скрылись. Дрожь пробежала по спине.

Он вытянул другую руку и шагнул вперед.

Это совсем не походило на ночной мрак. И совсем не та тьма, когда глаза закрыты. Более того, даже с закрытыми глазами темной ночью он почувствовал бы себя иначе.

Тьма была гуще, намного гуще, как на дне колодца, куда не достают солнечные лучи. Он чувствовал, как его зрачки стремительно расширяются, пытаясь адаптироваться к необычной обстановке.

Чейз медленно пробирался вперед, стараясь двигаться по прямой от двери. Воздух здесь был сырым и более прохладным. Но плесенью не пахло, только землей и чем-то чистым и твердым. Чейз не сомневался, что находится уже не в рукотворном месте. Он очутился в пещере, залегавшей глубоко во чреве горы. Чейз шел осторожно, остерегаясь трещин и ям. Медленно переставлял ноги, двигаясь на ощупь, как слепой. Он и был слепым. Как Эдип. Десять футов. Двадцать. Двадцать пять.

По-прежнему ничего, кроме тьмы. Чейз не оглядывался.

Он не слышал ничего, кроме шарканья своих шагов по твердой, покрытой рытвинами земле и собственного дыхания. Даже птицы смолкли.

Ему стало интересно, один ли он здесь.

Затем наконец его рука нащупала холодный влажный камень.

Прикосновение напоминало удар электрического тока. Он почувствовал, как внутри его тела что-то разлилось — ощущение от чьего-то сильного и чудесного присутствия. Настолько сильного, что он едва не произнес вслух: «Да, я тебя слышу. О да!»

Чейз повернулся спиной к стене и посмотрел на вход, окруженный янтарным сиянием, мускулы спины расслабились, он испытал облегчение от того, что снова обрел зрение. Его плечи упирались в шершавые камни.

А потом он замер.

Покачал головой, не веря своим глазам.

Он шел через тьму. Плыл сквозь нее.

Но оказалось, что в десяти футах по обе стороны от него на одинаковом друг от друга расстоянии на каменных плитах горели две свечи. Такими украшают праздничные торты. Совсем крошечные, они озаряли очень маленькое пространство на полу.

И все же они светились.

Лейла

Санторини

Было уже поздно, когда она наконец отделалась от парня-грека из бара и вернулась в отель. Ее соседка — шведская девушка — уже спала.

«Корова», — подумала она.

Девушка была обнажена — сначала ночной воздух был холодным, но затем потеплело, и она откинула одеяло до талии. Она спала на боку, просунув одну руку под подушку, а вторую положив на нее и слегка приоткрыв рот. Ее мускулистые плечи и спину покрывал коричневый загар, а грудь, напротив, казалась бледной и мягкой.